

Katerin Rozaline Lewellyn-Davies

Bemep

На какой ветер бросать слова?..

[Станислав Е. Лец](#)

Утро.

Я медленно встаю с кровати, праздною таким нехитрым образом свой выходной. Долго лежу в постели, сначала бесцельно, потом дочитывая главу, которую не закончила читать на ночь, потому что глаза слипались от усталости. Потом сладко потягиваюсь, чешу за ухом двух из трёх кошек, зная, что третья не любит ласку да и по утрам её лучше не трогать. И, наконец, поднимаюсь. Сначала сажусь, одновременно опуская на холодный деревянный пол обе ступни. Прохлада быстро поднимается по ногам вверх и я окончательно сбрасываю с себя томление ночи и скомканных простыней.

Мне нравятся эти первые немного сонные, тягучие шаги, нравится перехватывать волосы на затылке в небрежный пучок, кое-как стягивая пряди резинкой. Нравится практически пустой чайник, в который я заглядываю, приподняв эмалированную крышку. Мутная от накипи вода плещется на самом дне и я выливаю её прямо поверх посуды, лежащей в раковине со вчерашнего дня. Затем споласкиваю чайник и вслушиваюсь в поток свежей воды, ударяющийся тугой струёй в металлическую стенку, вихрясь на дне маленьким водоворотом. Нравится, как шипит сера, воспламеняющая спичку, как гудит газовая конфорка, пока сверху на неё не опускается чайник и звук становится шипящим.

Чуть позже я буду неспешно, со своеобразным чувством любви наслаждаться первой утренней чашкой кофе, даже если на часах давно за одиннадцать. Но я буду стоять с чашкой дымящегося кофе на открытом балконе в рассеянных лучах солнца, будто запутавшегося между облаками и остающегося невидимым.

Всё же странное это лето. Станный июль, тяжело вздыхающий ароматами октября. И эти нахохлившиеся люди, прячущиеся под зонтами и охраняющие единственное сухое место под собой на безнадежно вымокшей лавочке, подобно Церберу.

Листья ржавеют, опадают и шуршат под ногами, как фантики дорогих конфет, которые с трудом можно было позволить себе в детстве и совсем не хочется есть теперь, когда даже юность осталась позади.

Небо не просыхает вот уже который день, облака заволкли летнюю синеву печальной серостью, опустив траекторию птичьего полёта на добрые два десятка метров, а то и больше. Не разбираюсь я в этом. Но птички животики и узоры на хвостах видны слишком отчётливо, чтобы даже я осознавала, как низко они парят. Ветер холодит кожу лица и горло, а вечера требуют свитера и брюк из плотной ткани.

Разве что утра... Утром блуждающий свет неровными блёклыми мазками ложится на крыши суровых безликих домов. Но я всё же буду им наслаждаться, когда вода в чайнике закипит, чтобы я могла заварить себе растворимый кофе.

Но пока чайник не зашумел от булькающей воды, я стягиваю с кровати постельное бельё, закидываю его в барабан стиральной машинки, который всякий раз напоминает мне аквариум, и иду готовить завтрак.

Каждый день что-то разное: то это два яйца, сваренных вкрутую, то упаковка крабовых палочек. Но сегодня утро и впрямь особенное. Сегодня у меня на завтрак персик и кусочек торта с бельгийским шоколадом, который я купила, чтобы поднять настроение подруге, но он так и остался лежать в холодильнике. Я достаю его из слюдяной оболочки и нарезаю неровными частями.

Торт с бельгийским шоколадом... Разумеется он не из Бельгии! Практически всё в этой стране не оттуда, откуда написано на этикетке. Да и состав не тот, что указан. Страна понарошку - звучит лучше, чем страна низкопробных подделок, каждый день стремящаяся отравить собственных граждан некачественными продуктами и кустарными способами их производства. Так что на завтрак у меня кусочек тортика с "бельгийским" шоколадом и персик "откуда он не знаю и знать не хочу".

И вот я на балконе. Здесь душно, шумно, в воздухе витают пары бензина и гари да и вид далеко не самый красивый. Но я тут. Со своим ненастоящим тортом, безродным персиком и растворимым кофе, наполовину залитым молочным продуктом и пересыпанным сахаром. По неизъяснимой причине я чувствую, что счастлива. Неправдоподобно, аномально, неестественно счастлива. Даже тогда, когда моя жизнь обвалена в моём же собственном прахе. Пусть. У меня тут утро, странная еда и не выстиранное постельное бельё, которое вскоре наполнит комнату химически запахом кондиционера.

Ветер — это мы:
он собирает, хранит наши
голоса, а затем спустя какое-то
время, играет ими, посылая
их сквозь листья и луговые
травы.

[Трумен Капоте «Голоса травы»](#)

Дневник из высохших чаинок.

Я жадно вдыхал аромат белого чая.

Отец не раз отмечал, что именно этот аромат витал вокруг мамы. Он говорил, что любил сидеть рядом, когда она засыпала, накручивал на указательный палец длинный светлый локон и не мог надышаться его сладостью.

Мне было шесть или семь лет, когда я впервые вошёл в хранилище моего отца. Это было полуподвальное помещение со множеством полок, намертво прикрученных к стенам. На стеллажах еле помещались жестяные и алюминиевые банки, деревянные сундучки.

- Липа, можжевельник, берёза... - шептал мне голос отца, когда я пальцами проводил по тёплой шершавой поверхности.

- Похоже на язык кошки. От них щекотно. - Радовался маленький я.

А папа стоял в дверном проёме, боясь зайти за мной следом.

Я помню только один раз, когда он стоял в этом помещении подле меня. И только один раз я видел его слёзы. Мне было шесть или семь, когда я нашёл это тайное хранилище. Тогда на полке стояла ещё одна банка. Она была спрятана в самом углу. Наверное папе казалось, что так надёжнее. Для ребёнка — нет. Но он прятал её не от меня, а от себя.

В этот день была годовщина. Время летит так быстро... Отец гулял по саду, прикасаясь пальцами к яблоневому цветку, к нежной салатовой листве, росе, что окутала ранние цветы из-за весеннего тумана. Он не следил за мной, как обычно. Должно быть, мама очень просила быть со мной внимательным, не забывать обо мне. Я же — мальчик. И за мной нужно присматривать особенно тщательно. Будь я дочкой, а не сыном, может папе было бы проще. А может и нет. Вдруг я был бы похож на маму? У меня её глаза и аккуратные брови. Будь я девочкой, у меня, скорее всего, были бы её волосы. Папа бы этого не выдержал, точно знаю. Жаль, что я понял это не так давно...

- Мы были в Венеции. Она опустила пальцы в воду, «выращивая» из воды «барашков». Гондольер был покорён её взглядами на мир. Не скажу, что я не ревновал, но помимо этого я испытывал гордость: эта женщина выбрала меня. После мы сидели в ресторане и пили зелёный чай. Она глубоко вдыхала пар. Костяшки пальцев сильно побелели от напряжения. Она пыталась согреть озябшие руки, слишком сильно сдавливая фарфоровые бока. Я поправил палантин на её плечах, снял пиджак и накинул сверху. Она благодарно улыбнулась, отпивая из чашки. Только когда она согрелась, я понял, что могу насладиться чаем, как делала это она. И знаешь... - отец медлил. Я видел как движется его кадык. Он пытался держать себя в руках, еле сдерживая боль от потери мамы. - Знаешь, в ту ночь её пальцы пахли жасмином, как тот чай, что мы разделили, сидя в тёмном углу уличного кафе.

Та единственная банка не алюминиевая и не жестяная. Та банка, что отец прятал не от меня, а от себя. Она была из стекла. Чай, что в ней хранился уже нельзя было пить, но он и не был для этого предназначен. Зелёный чай с бутонами жасмина. Первый день в Венеции — день, когда мама согласилась стать его женой. Они обвенчались сразу, как нашли священника. И в их первую ночь руки мамы пахли жасмином.

Мне было так мало лет, и рост был небольшой, я всё никак не мог дотянуться до банки. Сквозь её прозрачные стенки я видел зелёные игольчатые листья и вкрапления белых цветов, которые в тусклом свете были похожи не то на снег, не то на жемчуг.

Когда отец меня нашёл банка уже летела вниз. Она разбилась у моих ног. Тогда он впервые вошёл в своё хранилище. Он не ругал меня, не пытался ударить. Он всегда был спокоен. Попросив меня отойти к двери, чтобы не пораниться, он начал собирать осколки. Пробормотав, что мама была бы против хранения чая со стеклянной крошкой, дрожащими руками отец собрал всё в пакет и не глядя выбросил в мусорное ведро.

Он заперся у себя в кабинете, и когда вышел готовить ужин, его глаза были красными и опухшими. Аккуратно нарезая овощи он сказал:

- Люди вырывают из дневников страницы, теряют письма, сжигают фотографии, а у нас разбилась банка с чаем.

Я тогда его не понял, но повзрослев часто разговаривал с отцом, навещая его со своими детьми. У папы не было маминых фото, не было её писем, папа не вёл личных дневников. Он нашёл свой способ хранить воспоминания: чай. В каждой банке, в каждом деревянном сундучке была мама: добрая или сердитая, обидчивая или смеющаяся. Вот она вернулась из сада вся в сырой земле и ветками в волосах, или со снежинками на ресницах и посиневшими от холода губами. Они в Венеции, они в Лондоне, в Швейцарии. Мама в платье, в домашнем халате, в резиновых сапогах. Папа покупал тот чай, который они пили и хранил его здесь — в полуподвальном помещении с весенней температурой.

Он говорил, что чай меняется, если пересыпать его в другую посуду. В Венеции зелёный чай с жасмином ему продали в той самой стеклянной банке. Отец мог бы переложить его в жестяную, но тогда он навсегда утратил бы аромат маминых рук.

Мне было около тридцати, когда я понял отца и пытался извиниться за разбитые воспоминания. Он махнул рукой и повторил то, что сказал много лет назад: «Люди вырывают из дневников страницы, теряют письма, сжигают фотографии, а у нас... разбилась банка с чаем».

Забывать что-то — это нормально. Мы никогда не сможем сфотографировать каждый миг жизни любимого человека. Мы не напишем достаточно писем. И страницы личных дневников не отразят всего, что мы чувствуем и хотим сказать. Разбивать банки с чаем — это нормально.

Когда отца не стало, мы переехали в его дом. Квартиру в городе я продал, а деньги вложил в реставрацию. Единственное помещение, куда я не пустил рабочих, было полуподвальное помещение с весенней температурой. По моей просьбе рабочие вырыли ещё один такой же подвал, но с другой стороны, чтобы дом не покосился.

Когда я познакомился со своей женой, её руки пахли орехом, землёй и древесной корой. Она сидела в чайной и пила пуэр. Я увидел её через панорамное стекло, выходящее на площадь. Франция, мостовая, ярмарка, кафе, кондитерские, чайные и она.

- Мам... привет. Я хочу тебя познакомить с Лорой. - Я погладил шершавые крышки деревянных сундучков. Они всё ещё напоминают мне кошачий язык: такие же тёплые и щекочут. - Вот. Так пахли её пальцы, когда я впервые коснулся их поцелуем. Лора. Её зовут Лора.

Я положил на полку маленький трёхслойный льняной мешочек с пуэром. На то место, где когда-то стояла стеклянная банка с зелёным чаем. Я прятал этот мешочек от себя. Хотел сохранить, боялся потерять. Боялся, что запах выветрится, если буду часто открывать свёрток. Вот и прятал. Теперь я слишком хорошо понимал отца.

- Мам... привет. Я... ох, мам... Это... папа. Он... в последние дни его руки пахли красным чаем, так что... вот. - Я положил на полку деревянный сундучок с листьями красного чая и быстро выбежал из хранилища, чтобы ни мама, ни папа не видели моих слёз. Боялся, что чай начнёт отдавать горечью, если хоть одна солёная капля упадёт на пол этого священного для меня места.

Мне было восемьдесят семь или восемьдесят восемь, когда Лора меня покинула. Я не считал наших лет. Это было ни к чему. К тому времени полки моего хранилища были заставлены плотными рядами банок, сундучков, мешочков, цветных коробок из картона. Я принёс туда только одну банку из стекла. В ней был чёрный чай. Терпкий, с горчинкой, насыщенный, яркий. Такой была Лора. Вся, целиком. Этим чаем пахли её пальцы, волосы, кожа на запястьях и у основания шеи. Даже у её одежды был тот же аромат. Он остался в доме, когда она умерла. Ложился на полки тонким слоем пыли, шелестел в лёгких занавесках, когда я забывал закрыть окно. Поэтому когда моя взрослая дочка случайно разбила эту банку ровно год спустя, я повторил то же, что говорил мне мой отец. Она удивлённо посмотрела на меня и я понял - она не поняла. Современный мир, ничего не поделать. Я только надеюсь, что однажды люди снова научатся ценить то, что действительно важно. Надеюсь...

Я оставляю после себя маленькую картонную коробочку. В ней зелёный чай с жасмином. Лора говорила, что именно им пахнут мои руки. И что жасмин в чае похож не то на снег, не то на жемчуг...

-

Слова страдающих людей - это огонь,
смягчающий каменные сердца
и вызывающий слезы из очей
жестокосердного. Дуновение людей,
знающих истинные слова, - это ветер,
который уносит мусор самолюбия и
сметает пыль негодования.
Алишер Навои

"Невозможно выразить..."

Ещё один город. Который по счёту? Не помню и помнить не хочу. Много лет назад, когда я только подписалась на эту работу, думала, что скоро её выполню. Но нет. Люди просто невозможны...

Дайте подумать. Не вот чтобы я была уверена на все сто процентов, но умерла я, вроде как, в середине двадцать первого века.

Теперь мне думается, что ценнее слов в моей жизни ничего и не было. Я любила слова. Любила книги, кино, в редких случаях - стихи. Людей разве что недолюбливала. Вслушиваясь в то, что мне говорят, слишком ясно понимала, что надежда встретить пресловутую "вторую половинку" тает как беже в воде. Я вела дневники, которые стали для меня чем-то вроде отдушины, последней надежды (в которую я, положила руку на сердце, умудрялась не верить). В этом вся суть человека - не верить в надежду. И именно благодаря моим глупым увлечениям я и получила данную работу после совсем не неожиданной и совсем не грустной кончины. Смерти я не боялась. Зато боялась работы по графику и сверхурочных. Не страдала карьеризмом и никогда не желала, чтобы в сутках было больше двадцати четырёх часов. И на меньшее количество согласилась бы.

Моя жизнь протекала мирно, без потрясений, внезапных знакомств, перемещений в другие города и страны без подготовки. Всё было продумано, подготовлено. Мне нравилось это чувство собранности. Знание, что я ничего не забыла. Тяготило разве что то самое банальное чувство одинокого сердца, нужда в надёжных объятьях, в защите широкой сильной спины. Но в итоге я поддерживала свою жизнь самостоятельно: сама себя защищала, оберегала, кормила, пила и одевала. Сама себя развлекала теми самыми книгами и кинематографом, о которых рассказала чуть раньше. Я и сейчас их люблю. Жаль только, что с каждым пройденным мной городом, фильмы становятся короче и всё сильнее напоминают мне киноленты с "единственным гением, который вышел из киноиндустрии". Книги теперь тонюсенькие, с широкими полями и крупным шрифтом, а песни всё больше становятся простыми мелодиями. Вот тут я ничего против не имею. Вы бы слышали тексты последний столетий!

Моя работа - ... Работа... Довольно трудно и в то же время слишком легко рассказать о ней буквально в двух словах. С одной стороны "краду слова" - просто, доходчиво, двумя словами. С другой, - это не совсем просто осознать. Вор обычно крадёт самое дорогое: новую